

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИНЫ В ЗАПИСЯХ Н. М. МАЛЕЧИ

Публикация Н. М. Щербанова

Начало собиранию и изучению фольклора уральских (яицких) казаков было положено еще в XVIII в. В трудах П. И. Рычкова, П. С. Палласа, П. С. Рунича содержится довольно много фольклорно-этнографических материалов уральского казачества.¹

В XIX веке казачьим фольклором интересовались А. С. Пушкин, В. И. Даль, В. А. Жуковский, М. Л. Михайлов, В. Г. Короленко. Особенно большое количество устнопоэтического материала уральских казаков собрано И. И. Железновым, Н. Ф. Савичевым, Н. Г. Мякушиным и А. и В. Железновыми.²

В советское время, начиная с 1934 г., казачий фольклор собирался и изучался уральским этнографом, лингвистом и краеведом Нестором Михайловичем Малечей (1887—1979). Под его руководством фольклорные и диалектологические экспедиции Уральского педагогического института им. А. С. Пушкина обследовали 180 населенных пунктов Уральской, Оренбургской и Гурьевской областей (территория бывшего Уральского казачьего войска).

В результате в фольклорном собрании Малечи имеются былины; исторические, семейные, любовные, свадебные песни; предания, легенды, а также большое число произведений тех жанров, которые не получили достаточного освещения в трудах исследователей и собирателей казачьего фольклора (сказки, духовные стихи, частушки, анекдоты, пословицы, поговорки, загадки, считалки, описания свадебного обряда, сведения по народной медицине, астрономии и проч.).

Малечей написано несколько капитальных работ. В их числе «Словарь уральского казачьего диалекта русского языка», содержащий 26 тысяч словарных статей, — своеобразная энциклопедия русского населения края; «Словарь личных собственных имен уральских казаков», в котором содержится около 7000 имен паспортных, бытовых, уменьшительных, ласкательных, уничижительных и других; первая в нашей фольклористике обстоятельная монография о дет-

ских считалках (1976 г.); труды по археологии, краеведению в Приуралье. В его статьях, опубликованных в газете «Приуральская правда» («Археологическое изучение Западного Казахстана» — 1945. 7 окт.; «А. С. Пушкин в Уральске» — 1946. 17 мая; «Собирайте фольклорные материалы» — 1946. 31 мая; «Словарь уральского диалекта» — 1961. 21 февр. и др.), были намечены пути комплексного изучения края.

Среди фольклорных записей из личного архива Малечи особую ценность и научную значимость представляют тексты былевого эпоса и исторических преданий.

Как известно, живое бытование былин на Урале (Яике) было открыто И. И. Железновым в пятидесятых годах XIX в. Он записал почти все известные на Урале сюжеты былин: «Добрыня и Маринка», «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши», «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец на соколе-корабле» и другие произведения песенно-эпического характера («Спор сокола с конем», «Устиман-зверь», «Индрик-зверь», «Харко»). Последующие собиратели и издатели фольклора уральских казаков Н. Г. Мякушин и Александра и Владимир Железновы в основном перепечатывали (не всегда исправно) записанные в свое время И. И. Железновым былины, добавляя некоторые варианты к уже известным сюжетам. В публикациях Железнова отсутствуют только два былинных сюжета, имевшихся в устном репертуаре уральских казаков: былина о Дюке Степановиче, имеющаяся в единственной записи П. И. Небольсина,³ и былина о Ставре Годиновиче (опубликована в сборнике А. и В. Железновых «Песни уральских казаков» с пометкой «Записана от 75-летнего старика-казака В. Ф. Ж.»). По этим записям почти невозможно судить о степени распространенности сюжетов о Дюке и Ставре среди уральских казаков.

Железнов не только записал на Урале в середине XIX в. тексты былин, но и сделал ряд интересных выводов и наблюдений над характером их бытования, дал комментарий к каждому тексту, сообщил сведения об исполнителях, об их отношении к исполняемым произведениям. Он пришел к выводу о том, что раньше, в XVII—XVIII вв., былевой репертуар уральских казаков был более разнообразен. Так, приведя былинку «Устиман-зверь», Железнов сообщает: «Старики уральцы <...> сказывали мне, что песня об Устимане-звере в старину была на Урале в большом ходу, но с 1820-х годов ее почти не стало слышно. Сколько, думаю, пропало подобных песен!»⁴ Железнову посчастливилось наблюдать живое бытование былин на Урале. Следует, однако, отметить, что былина в развернутой классической форме уже в то время была большой редкостью. Собиратель с сожалением писал: «Вообще в памяти молодого поколения казаков мало сохранилось старинных песен, а если и сохранилось что, то в весьма небольших и, большей частью, нескладных отрывках».⁵ Железнов, однако, не сумел рассмотреть в этих «отрывках» своеобразных черт, характерных именно для уральского казачьего типа былин. Былины, записанные Железновым, да и позднейшими собирателями, нельзя рассматривать как отрывки класси-

ческих былин, отличающихся «краткостью, скомканностью содержания, контаминациями»,⁶ а это, по справедливому утверждению А. М. Астаховой, «особые песенные сюжеты, рисующие богатырей в различных обстоятельствах».⁷

Наличие былины в современном фольклорном репертуаре уральских казаков подтверждает эту мысль. Записи былин Железнова и Малечи позволяют ответить на ряд интересных вопросов. Во-первых, почему среди казачества были распространены определенные сюжеты былин; во-вторых, какие творческие изменения претерпели эти сюжеты во время длительного бытования на Урале.

Попад в казачью среду, классическая былина пережила, на наш взгляд, три стадии эволюции. Можно высказать предположение, что на первой стадии былина усваивалась в казачьей среде в своем полном, классическом виде. Этот процесс продолжался примерно до начала XVIII в. В середине XIX столетия Железнову удалось зафиксировать только один случай, когда старый казак Иван Михайлович Бакиров знал былинку «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши» в большом объеме. Большинство же исполнителей сохранили в памяти только ее начало: «Случалось мне, кроме Ивана Михайловича, сталкиваться с казаками-песенниками, певали они про Добрыню эту же самую песню, но дальше начала все-таки не шли. . .»⁸ В это же время создаются и собственно казачьи эпические песни былинного типа, такие как «Харко», «Спор сокола с конем», «Устиман-зверь», «Индрик-зверь», а также «Илья Муромец на соколе-корабле».⁹ Основой этих песен послужили местные события, опозитизированные в духе классической эпической традиции.

На второй стадии, начиная приблизительно с конца XVIII в., былина, сохраняя традиционную общерусскую основу, значительно изменяется. Текст ее сокращается, забываются отдельные эпизоды. Основное внимание сосредоточивается на распеве наиболее важных, центральных ситуаций. Иногда же распевается только начало былины с прибавлением к нему сокращенного окончания. Богатыри в основном сделались уральскими казаками, и подвиги их происходят на земле Уральского казачьего войска. К середине XIX в. тексты былин приобрели уже четко выраженную краткость и композиционную завершенность. В таком виде былины дошли до нашего времени, о чем свидетельствуют записи Малечи.

Особенно ярко эти изменения видны в былине «Добрыня и Маринка». Эта былина, как подчеркивал еще Железнов, была очень популярна на Урале. Эпическая Маринка всегда ассоциировалась исполнителями-казаками с исторической личностью авантюристки Марины Мнишек, жены Лжедмитрия, которая вместе с Иваном Заруцким скрывалась от преследования царских войск на Яике после бегства из Астрахани в 1614 г. За период многовекового бытования среди казаков эта былина претерпела существенные изменения, в ней сохранился только основной эпизод — столкновение Добрыни и Маринки. Причем особое внимание в былине сосредоточено на «двух голубчиках», которые олицетворяют собой зло и чародейство, идущие от Маринки. Действия Добрыни, стреляющего в них из лука,

вполне естественны. Этим эпизодом вполне исчерпывается содержание былины.

На третьей стадии, начиная с конца XIX в., мы наблюдаем дальнейшее затухание былинной традиции на Урале.

Записи Малечи дают также основание для вывода о том, что, попадая в казачью среду, былина приобретала функциональное разнообразие. В частности, она использовалась как обрядовая песня (см. текст 8).¹⁰

Большое влияние былина «Добрыня и Маринка» оказала на исторические предания уральских казаков о деве-воительнице. Поэтому главная героиня записанных Малечей преданий совмещает в своем характере и облике как положительные, так и отрицательные начала.

В одних преданиях она предстает защитницей Русской земли: «Маринка воевала против татар. Когда татары кинулись громить Росею, то она кинулась защищать Росею». В других она изображена разбойницей, предводительницей «полка из девушек», который нападал врасплох на селения. В третьих преданиях подчеркивается коварство и чародейство героини: «Маринка была женщина, как упырица какая. Свое войско держала. Маринка в Кеиве шибаширничала» (т. е. нападала, грабила), «Маринка могла оборотиться в корову, в свинью, в лошадь и в другие различные предметы». Вместе с тем во всех этих преданиях, как и в записях И. И. Железнова, четко просматриваются два мотива, которые, на наш взгляд, являются исконными.

Во-первых, героиня преданий («Марина», «Маринка») неизменно выступает как предводительница воинства, в большинстве случаев женского: «Маринка имела полк деушек», «Маринка была воевода, отряд имела», «Свое войско держала».

Во-вторых, девушка-воин имеет не только дружину, но и свою крепость. Так, в преданиях постоянно подчеркивается: «Было городище, там и жила»; «Между поселками Гребенщиков и Кулагин был дворец Маринки в четырех верстах от Кулагина. Дворец был обнесен большими валами», наблюдательным пунктом у воительницы, как и у другого героя казачьих преданий Харко, подчас служит гнездо на высоком дереве: «Тополи были. Жила какая-то Маринка. Были осокоря, было гнездо на осокоре етой, Маринка пряталась».

Публикуя по рукописям часть фольклорного архива Н. М. Малечи, мы сделали только предварительные выводы. Записи ученого нуждаются в более пристальном и обстоятельном изучении.

В примечаниях к былинам приняты следующие сокращения:
Железнов — Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков: В 3 т. СПб., 1910.

Мякушин — Сборник уральских казачьих песен / Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб., 1890.

А. и В. Же — Песни уральских казаков / Записали Александра лезновы и Владимир Железновы. СПб., 1899.

¹ См.: Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте // Рус. старина. СПб., 1870. Т. 2. С. 7—12.

² См.: Мякушин Н. Г. Сборник уральских казачьих песен. СПб., 1890; Железновы А. и В. Песни уральских казаков. СПб., 1899; Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков: В 3 т. СПб., 1910; Работы Н. Ф. Савичева печатались на страницах газеты «Уральские войсковые ведомости» с 1867 по 1885 гг.

³ Небольсин Павел. Уральцы // Библиотека для чтения. 1855. Т. 131. С. 96—97. При позднейшей перепечатке Н. Г. Мякушин ошибочно указывает в качестве источника «Библиотеку для чтения», 1861, № 3. В этом номере журнала действительно напечатаны фольклорные материалы уральских казаков, но былины о Дюке Степановиче там нет. В. Ф. Миллер, анализировавший эту былину в статье «Казачьи эпические песни XVI—XVII вв.» (см.: Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л., 1924. С. 277), также неточно указывает источник первой публикации былины: Библиотека для чтения. 1851. № 3.

⁴ Железнов И. И. Указ. соч. Т. 1. С. 153.

⁵ Там же. Т. 3. С. 230.

⁶ Миллер В. Ф. Указ. соч. С. 249.

⁷ Астахова А. М. Вопросы изучения донской былины // Народная устная поэзия Дона: Материалы науч. конф. по народному творчеству донского казачества 18—23 дек. 1961 г. Ростов н/Д, 1963. С. 61.

⁸ Железнов И. И. Указ. соч. Т. 3. С. 230.

⁹ К подобному типу эпических песен относится и сюжет о подвигах казачьего героя Алексеюшки Митрасова, записанный П. М. Языковым в с. Головине Симбирской губ. в 1838 г., см.: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского // Лит. наследство. М., 1968. Т. 79. С. 351—352.

¹⁰ Об использовании былинных текстов в качестве обрядовых известно науке. Так, А. А. Киреевский сообщал из Сибири о том, что былина о соколе-корабле исполнялась там во время святок как обычная колядка. Былина «Добрыня и Маринка» у уральских казаков известна и как свадебная песня. Исполнительница В. Н. Красильникова, сообщая в 1973 г. нам эту былину, отметила, что впервые услышала ее на свадьбе.

Былина о Добрыне и Маринке

1

Шольничал¹-вольничал наш Добрынюшка,
Шольничал-вольничал двадцать пять лет.
Как на двадцать шастым годе погулять он захотел
Как по славному по городу Кеиву,
По большую, славный улицы по Маринкину.
У Маринки под окном (окошком) два голубчика сидят,
Оба сизыя, сизокрылыя.
Оне гулются, смеются и улыбаются,
Над самим оне Добрыней насмежаются.
Показалось Добрыне за досадушку,
За такую за досаду за великую.
Тут снимал наш Добрыня свой тугой лук.
Вынимал наш Добрыня из колчана стрелычку,
Он накладывал наш Добрыня на свой тугой лук,
Он натягивал кисемычку² шелковую.

Убивал, ушибаил наш Добрыня
Голубчиков на окне.³

Зап. в 1947 г. от И. Л. Винникова (род. в 1871 г. в пос. Барановка, в 1918 г. переселился в пос. Бударино, а оттуда в 1947 г. в г. Уральск).

Вар.: Железнов. Т. 2. С. 249—250; Мякушин. С. 3—5; А. и В. Железновы. С. 3—5.

¹ Шатался, мотался.

² Тесемочка.

³ И. Л. Винников добавил: «В Кеиве стоит памятник Добрыне. Маринка была женщина, как упырица какая. Свое войско держала. Маринка в Кеиве шибаширничала» (нападала, грабила).

2

Как по славному городу по Кеиву,
По большой широкой улице по Маринкиной,
Под окошком два голубчика сидят,
Оне оба сизые и созокрыленьки.
Оне гулятся и смеются, улыбаются,
Надо мною, Добрынюшкой, насмеваются.
За досадушку такую
Он натягивал тугой лук. Пушал он стрелу...
Захотелось мне, Добрынюшке... Из колчана тугой лук,
Натягивал стрелочку кленовую,
И он пушал-отпускал он ее во Маринкин двор.

Зап. в 1947 г. от Н. Т. Ларшина в пос. Коловертном Чапаевского района Уральской области.

3

У Маринки под окном два голубчика сидят,
Воба сизыя и сизокрылыя.
Оне гулятся, смеются и улыбаются,
Над самую над Добрынею насмеваются.
Показалось Добрыне за досаду,
За такую за досаду, за великую.
Как со етой со досады стал по гореньке ходить...
Вынимал наш Добрыня из колчана тугой лук,
Закладаил наш Добрыня стрелушку кленовую
И натягивал наш Добрыня струнушку шелковую,
Убивал наш Добрыня...¹

Зап. в 1947 г. от И. Г. Недопекина в пос. Бударино Чапаевского района Уральской области.

¹ Далее «замстило» (забылось), как сказал Иван Гаврилович, прибавивший, что Маринка была любовница Добрыни.

4

Шорничал-ёрничал Добрынюшка Никитович
Он двенадцать лет,
А на тринадцатом гадочке погулять он захотел

Как по славному по городу по Кеиву,
 По большой широкой улице по Маринкиной.
 А в Маринки под окном два голубчика сидят,
 Оне сизенькия, сизокрыленькия.
 Оне гуляться-смеются и улыбаются,
 А над самим над Добрыней насмеваются.
 Показалось Добрыне за досадушку терпеть. . .¹

Зап. в 1947 г. от Я. Л. Ефремова в пос. Коловертном.

¹ Я. Л. Ефремов добавил: «Добрыня Никитич был; за народ стоял. Дело было на нашей казачьей земле. И он был вроде уральского казака после Рыжечки» (Рыжечка — герой исторического предания уральских казаков. — Н. Щ.).

5

Как по славному по городу по Кеиву,
 По большой-то по славной улице по Маринкиной,
 Выходил-то наш Добрынюшка.
 У Маринки под окошком два голубчика сидят,
 Оба сизенькии, сизокрыленькии.
 Они гуляются, смеются, верно улыбаются,
 Над самим-то над Добрыней насмеваются.
 За досаду-то Добрыне показалось,
 За такую за досадушку за великую,
 За великую яму грубость становилось.
 Вынимал тут Добрыня из колчана тугой лук,
 И накладывал он стрелочку кленовенькую,
 И натягивал тесемочку шелковенькую,
 И стрелял он ды во правый глаз самого татарского
 боярина,
 Убиваил да ушибаил он самого змея Тугарина.

Зап. Н. М. Малечей и П. Т. Строгановым в 1948 г. от Митрясовых и Зарубиных в г. Чапаеве (бывш. Лбищенск) Уральской области.

6

Как по славному по городу по Киеву,
 По большой славной улице Маринкиной,
 У Маринки пер'д окошком два голубчика сидят,
 Они гуляться, смеются, улыбаются,
 Над самым-то над Добрыней насмеваются.
 Показалось Добрыне за досадушку таку,
 Он налаживал стрелочку кленовую,
 Он натягивал тесемочку шелковую,
 Он стреляил, убиваил двух голубчиков в окне:
 Оне сизии да сизокрылии,
 Оне гуляться, смеются, улыбаются.

Зап. в 1948 г. от Н. Ф. Лакаева в пос. Каленый Чапаевского района Уральской области.

Как по славному по городу по Киеву,
 По большой-то по славной улице Маринкиной
 Выходил-то наш Добрынюшка. . .
 У Маринки под окошком два голубчика сидят,
 Оба сизеньки, сизокрыленьки.
 Они гуляются, смеются, верно улыбаются.
 За досаду-та Добрыне показалось,
 За такую, за досадушку, за великую,
 За великую яму грубость показалось.
 Вынимал-то тут Добрыня из колчана тугой лук.
 И накладывал он стрелочку кленовенькую,
 И натягивал тесемочку шелковенькую,
 И стрелял он ды во правый глаз самого татарского
 боярина.
 Убиваил да ушибаил он самого змея Тугарина.

Зап. Н. М. Малечей и П. Т. Строгановым в 1948 г. от Митрясовых и Зарубиных в г. Чапаеве.

8

У Маринки под окошком два голубчика сидят,
 Оне гуляются, смеются, улыбаются,
 К себе в комнату гостей дожидаются.
 Гости идут по крыльцу,
 Несут девкам по кольцу.

Зап. от Н. А. Железновой в 1948 г. в пос. Коловертном.

9

Шорничал, ёрничал наш Добрынюшка.

 У Маринки под окошком два голубчика сидят.
 Оне бают-рассуждают, речь хорошу говорят.

Зап. в 1948 г. от С. Г. Мазанова в г. Уральске.

10

Шорничал, ёрничал наш Добрыня девять лет,
 На десятым годочке погулять он захотел.
 Как по славному городу по Киеву,
 На славный как улице Маринкиной,
 В касятышном окне у Маринки во дворе
 Не два жужлиčka — два голубчика.
 Оне вьются и смеются, улыбаются,
 Над тобой, душа Добрыня, насмеваются.
 Становилось Добрынюшке за досадушку,

Как за грубую насмешку становилось.
Вынимал из колчана тугой лук,
Он накладывал стрелочку кленовую
И натягивал тесемочку шелковую,
Убивал друга милого — Змея Тугарина.

Зап. в 1951 г. от Е. Т. Филиппова, 78 лет, в г. Уральске.

11

Как по славному по городу по Кеиву,
Как по большой широкой улице Маринкиной.
У Маринки под окошком два голубчика сидят,
Оба гуляются, смеются, улыбаются.
Над самым Добрынюшкой подсмеваются.
За досаду показалось Добрынюшке,
Вынимал из колчана тугой лук,
Он натягивал тесемочку шелковую
Он накладывал стрелочку кленовую.
Уж он баял, убиваял князя Гагарина самого.
Он за то яво убил,
Штоб он к Маринке больше не ходил.

Зап. Н. М. Малечей и Р. Бобневой в 1953 г. от И. С. Карташева в г. Чапаеве.

12

У Маринки под окном два голубчика сидят,
Оба сизеньки, сизокрыленьки;
Они гуляются, улыбаются,
Над Добрынюшкой своей насмеваются.

Зап. Н. М. Малечей и З. А. Сергеевой в 1962 г. в пос. Илек Оренбургской области.

Предания о Маринке

1

На низу есть поселок Харькин и вблизи яво было дерево большая. На этом дереве проживал Хартка, он много делал нашествий на своих врагов. И вот там-та была под названием Маринка, и она жила тут же неподалеку. Названия етого места Яр Маринкин. И вот етот самый Хартка как смог ее обмануть и победить. Она была сильна, волшебна и вот, когда он ее победил, то народ стал ходить на ету местность. Не стали бояться етой Маринки. А то она сильно напугивала народ. Маринка могла оборотиться в корову, в свинью, в лошадь и в другие различные предметы. Накаких вы. . .ыф, просто пугала народ. Хартка, по всему видно, больше знал.

Зап. в 1947 г. от Я. Л. Ефремова, 70 лет, в пос. Коловертном.
Вар.: Железнов. Т. 3. С. 35—50. Предание «Харко».

Тополи были. Жила какая-то девка Маринка. Были осоко́ря, было гнездо на осо́коре етой, Маринка пряталась. Здесь раньше было озеро, а тепе́рь — чагана́к, котлуба́ня красная, Маринкин ерик.¹ Маринка раньше была вроде воеводы; атамана какого. . . Маринка была воевода, отряд имела. Было городище, там и жила.

Зап. в 1947 г. от С. Я. Дамрина, 71 г., в пос. Янайкино, Чапаевского района, Уральской области.

¹ Это название «Маринкин ерик» является отголоском «Смуты» на Руси в начале XVII в. Здесь, на Урале, 25 июня 1614 г. около поселка Кулагина на Медвежьем острове («Маринкин городок») после боя была схвачена Марина Мнишек (со своим сыном), жена Дмитрия Самозванца.

3

Маринка отко́ль-то появилась, она колдуни́ха была што́ль. Набрала девок несколько, ето в пре́жни времени было, она с Добрыней воевала. Добрыня да́внишний казак из прядков (предков. — *Н. Щ.*) был, вот сумел победить, си́льный был. Они возили татаром да́нь, от ца́ря возили да́нь. Привезет да́нь, тут я́о (его) бы и уморить. Добрыня, когда повез, казаков взял. Потом их оставил, один повез. А Маринка султа́ну говорит: «Давайте ему́ я́ду да́дим». Ну, а он говорит: «Вы впе́ред по́пробуйте», догадался. Вот тут дра́ка и за́вязалась. Он один ее победил и татар победил. Маринка в Кулагин (поселок) побежала, он тут и нашел ее. Победил, а девок войску роздал, казаки на них переженились. Так казаки с той поря стали за́селяться, а Урал-то им не отходит. А тут роди́лся Ры́жечка, за́воевал я́о (его), с прито́ками. Она, Маринка сна́чала жила в Ке́йве, она его там боя́лась в Ке́йве, Добры́ни-то. Он идет по Ке́йву, и си́дят голу́би, куку́ют. А тут он доста́ет туго́й лу́к, уби́вает их. Маринка ему́: «Я те́бя сде́лаю соро́кой бело́бой, бу́дешь по́ свету ле́татъ, ме́ртвечи́ну соби́ратъ». А он ей го́ворит: «Я те́бя сде́лаю кобы́лой водо́возно́ю: бу́дешь по́ свету хо́дитъ, же́ребяток вы́водитъ». Тут она на Урал побежала. Пре́жде тут море́ было. Вот бывало на ры́бальство нае́дут. По́йдет один ста́рик ра́сказы́вать; в мы си́дим, ма́льчишки все: «Де́душка, е́ще, е́ще!». Так и усне́шь. Что все пра́вду было. Песня-то с ве́ков нача́лась, так и идет один от одного.

Зап. Н. М. Малечей и Г. Л. Федоровой в 1948 г. от К. П. Лячугина в пос. Котельном Уральской области.

Вар.: Железнов. Т. 2. С. 248—266. Предание «Маринка-чародейка».

4

Здесь были татары поселены. Оне чувствовали здесь себя хозяевами. И вот Маринка воевала против татар. У ней было два полка. Она и стояла до Кулагина. И ей пришлось идти на Волгу. Когда татары кинулись громить Росею, то она кинулась защищать Росею.

И чем вперед идти на Росею, то она зарыла где-то в Яру две лодки с капиталами.

Зап. Н. М. Малачей и А. Я. Шибачевой в 1948 г. от Н. П. Мысникова в пос. Каршинском Уральской области.

Вар.: Железнов. Т. 2. С. 269—278. Предание «Марина Кайдалова».

5

Между поселками Гребенщиков и Кулагин был дворец Маринкин, в четырех верстах от Кулагина. Дворец был обнесен большими валами. Маринка имела полк из деушек. Этот полк грабил и громил жителей врасплох. Казаки напали на косяк пасущий этого полка. Казаки были в волчьих шкурах, лошади напугались этих волков и все разбежались, а девки все остались пешими. Казаки их переловили, некоторых взяли за себя в жены, а достальных побили, а казну Маринкину делили на себе на Бухарским Красным Яру, близя Чипушинской старицы, до сечашнего время называют Дуванный Яр. Маринкину казну, золото, делили, то-исть дуванили, шляпами. В Красных Ярах жил Савелка, а в Харькиным жил Хартка. Савелкина дружина двенадцать казаков были женаты на деушках Маринкинова полка. Через некоторое время казаки были зарезаны этими девками. Один казак мог дать весть Хартке. Хартка поехал на похороны, девок заставил рыть могилы и деленую казну насыпал каждому казаку. И убил всех деушек, положил каждому всех двенадцать деушек, их зарыли в могилы. Могилы были вырыты между старым и новым поселком Красных Яров.

Зап. в 1951 г. от Е. Т. Филиппова, переехавшего в г. Уральск в 1930 г. из поселка Гребенщиков Испульского района Гурьевской области.

Вар.: Железнов. Т. 3. С. 35—50. Предание «Харко».

Илья Мурынц и Добрыня Никитыч¹

Отец рассказывал: Илья Мурынц и Добрыня Никитыч шли вместе. И у них обеих были луки, а стрелы у них были из бревен. И вот оне между себе говорят: «Мы с тобой ходим и не знам, кто из нас старший брат; давай стрелим из луков, у которого будет дальше стрела, тот будет старший брат». И вот оне стрелили. Шли двое суток и увидали: одна стреля так что в земле. Добрыня Никитыч Илья Мурынцу говорит: «Твоя, мол, стрела». А Илья Мурынц ему говорит: «В моей стреле драгоценный камень врезанный, он будет сиять». Когда оне подошли к стреле, — оказалась ета стрела Добрыни Никитыча. А потом шли полтора суток — тогда стрела Ильи Мурынца. И он сделался старшим братом. И вот теперь пошли в Сарачик.² И вот оне пришли в Сарачик. В ета время был хан. И вот народ собрались, и хан принес им двум гостям Добрыне Никитычу и Илья Мурынцу еду. Еду развел, шоб их умарить обеих. Ну оне не пили. И, значит, Илья Мурынц взошел к хану наверх, а Добрыня Никитыч остался внизу в народе. Когда Илья Мурынц взошел наверх, внизу сле-

лался шум. Хан спросил Илья Мурынца, што, мол, такое там, что за шум внизу. «А ета мой воробей просу твою клюет». Хан и отворил окно, взглянул вниз. Илья Мурынц снял с себя шляпу и шляпой ударил его по затылку, и хан слетел вниз.

Зап. в 1948 г. от Т. Е. Лытомина в пос. Сахарном Тайпакского района Уральской области.

¹ Вероятно, это прозаический пересказ распространенной когда-то былины об Илье Муромце и Добрыне Никитиче. Варианты в сборниках уральского казачьего фольклора отсутствуют.

² «Сарачик» (Сарайчик) — древняя столица Ногайского ханства, разрушенная в 1580 г. Ныне Сарайчик — поселок Баксайского района Гурьевской области.